

На правах рукописи

КЮРШУНОВА
ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА

СЛАВЯНСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ КАРЕЛИИ XV-XVII ВЕКОВ
В СВЯЗИ С РЕКОНСТРУКЦИЕЙ ЛЕКСИКИ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Специальность 10.02.01 русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

K-1256640

ВОЛОГДА 1994

Работа выполнена на кафедре русского языка
Вологодского государственного педагогического института

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор Ю. И. ЧАЙКИНА

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Г. В. СУДАКОВ

кандидат филологических наук, доцент Т. А. СИДОРОВА

Ведущая организация - Орловский государственный
педагогический институт

Защита состоится *25-го октября* 1994 года в
на заседании специализированного совета К 113.47.01
при Вологодском государственном педагогическом институте
(160000, г. Вологда, ул. Орлова, д. 6, ауд.

С диссертации можно ознакомиться в библиотеке института

Автореферат разослан

1994 года

Ученый секретарь

специализированного совета

доктор филологических наук, профессор

А. П. МИКЕШИН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена актуальной проблеме исторической лексикологии - реконструкции лексики донационального периода.

История ЛСС до XIX века сопряжена с изучением письменных источников, которые в силу жанрового своеобразия не могли отразить в полном объеме богатство словарного состава языка определённой эпохи.

В решении этого вопроса ученые (О.Н.Трубачев, Г.П.Смолицкая, Ю.И.Чайкина, В.Я.Дерягин, Ю.С.Азарх и др.) обратились к именам собственным, считая их своеобразными "резерватами языковых реликтов" и ценнейшим источником изучения русского языка до XVIII века. Данные ономастики подтверждают мнение ученых о том, что отдельные группы слов (например, экспрессивные и региональные названия лиц), не зафиксированные в памятниках письменности XV-XVII вв., существовали в старорусском языке, а может быть, и раньше. В результате известный в компаративистике метод реконструкции архетипов был обогащен приемами, связанными с использованием ономастического материала.

Цель исследования - реконструкция апеллятивов старорусского языка по данным антропонимии Карелии XV-XVII веков.

В соответствии с этим определяются следующие задачи работы:

1) Создать Источник по антропонимии Карелии XV-XVII вв., на основании которого возможна реконструкция лексики.

2) С помощью применения методики реконструкции лексики по данным ономастики произвести на основе созданного Источника и материалов современных говоров восстановление пласта лексики русского языка донационального периода, связанного с названиями лиц.

3) Вскрыть системный характер реконструированного лексического множества, объединяющего названия лиц, выявив макро- и микрогруппы, установить парадигматические отношения между ними. Определить разряды

нарицательных имен существительных русского языка, которые активно вовлекались в систему антропонимических наименований XV-XVII веков.

Объект исследования - некалендарные русские личные имена и прозвища XV-XVII вв., относящиеся к территории Карелии, а также названия лиц по профессии и катойконимы, сюда же включаем патронимы и possessивные ойконимы, восходящие в конечном итоге к некалендарному имени или прозвищу.

Источниковая база. Материалом исследования послужили опубликованные памятники письменности: 1) различные переписные книги, которые включали перечень лиц, облагаемых государственной податью; 2) разного рода акты, поступавшие в Олонецкую приказную избу от жителей с мест.

Наш Источник насчитывает более 10000 карточек. Именник составляет около 3000.

В качестве сопоставительного материала использованы данные диалектных словарей и картотек, работы диалектологов, а также исторические и этимологические словари. Привлекаются работы историков, этнографов, фольклористов.

Методы исследования. Назовем сопоставительный и сравнительно-исторический методы, сочетающиеся с некоторыми элементами компонентного анализа. В диссертации находит также применение традиционный в исследованиях по исторической лексикологии метод лингвистической географии.

Научная новизна работы. 1) В научный обиход вовлекаются антропонимические материалы памятников письменности Карелии XV-XVII вв., которые до этого времени систематически не изучались. 2) Проводится дальнейшая разработка методики реконструкции архетипов по данным антропонимии. 3) Впервые на основе антропонимов определенного замкнутого региона реконструируется большой пласт лексики русского языка донационального периода (более 600 слов). 4) Впервые с помощью

антропонимии, отраженной в письменных источниках, устанавливаются лексемы, входившие в словарный состав диалектных объединений древнерусского и старорусского языков. 5) Затрагиваются вопросы языковой интерференции.

Научная и практическая ценность работы заключается в следующем.

- 1) Данная диссертация выполнена в русле нового подхода к использованию ономастического материала в целях изучения русской исторической лексикологии. 2) Результаты исследования могут быть использованы при изучении особенностей развития диалектной системы, функционирования отдельных лексических микросистем. 3) Материалы основного корпуса работы и приложения могут найти применение в практике лексикографической работы при составлении "Словаря русских фамилий Карелии". Вместе с тем материалы диссертации могут учитываться и при составлении исторических и областных словарей русского языка. 4) Практическое применение полученные данные могут найти при разработке вузовских курсов лекций по исторической лексикологии, а также диалектологии.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации получили отражение в докладах и сообщениях на следующих конференциях: 1) Совещание по вопросам русской исторической региональной лексикографии /22 ноября 1988г., г. Ленинград; 2) Научно-практическая конференция "Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования международных отношений в СССР" /23-25 мая 1989г., г. Петрозаводск; 3) Республиканская научная конференция "Педагогическое наследие Н.К.Крупской и проблемы современной школы" /24-25 февраля 1989г., г. Петрозаводск; 4) Всесоюзная научная конференция "Устные и письменные традиции в духовной культуре народа" /16-19 мая 1990г., Сыктывкар; 5) I Всесоюзная научно-практическая конференция "Исто-

рическая география ландшафтов: "теоретические проблемы и региональные исследования" /2-7 сентября 1991г., г.Петрозаводск.

Объем и структура работы. Диссертация, состоит из введения, трех глав, выводов, заключения, библиографии, приложения, которое содержит Источники, а также реконструкции апеллятивов, не вошедших в основной корпус работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, сформулированы цель и задачи работы. мотивируется ее теоретическая и практическая значимость.

Глава 1 посвящена решению ряда важных общетеоретических вопросов антропонимии.

Один из них, до сих пор вызывающий споры, - вопрос о лексическом значении (далее ЛЗ) имени собственного (ИС) и уже - ЛЗ антропонима в аспекте системного подхода к исследованию семантического содержания слова. Нерешенным остается пока и затрагиваемый в работе вопрос о специфике структуры ЛЗ таких разновидностей антропонима, как календарное и некалендарное личное имя и прозвище.

Следующий теоретический вопрос касается методики реконструкции лексики русского языка донационального периода по данным антропонимии. Опираясь на исследования Г.П.Смолицкой и Ю.И.Чайкиной, нами разработана методика реконструкции лексики по данным антропонимии, суть которой состоит в следующем.

1. Выявление некалендарного имени (личного имени, прозвища или патронима, образованного на их основе) в местной деловой письменности.

2. Сопоставление данного антропонима с тождественным или близким в звуковом отношении апеллятивом.

3. Определение возможного ЛЗ у реконструируемого апеллятива.

1) Часть антропонимов соотносится с соответствующими апеллятивами или однокоренными словами в прямом значении. При этом принят

следующий порядок реконструкции. а) В первую очередь сопоставляется некалендарное личное имя или прозвище и однокоренной апеллатив, зафиксированный в памятниках письменности донационального периода, как наиболее близкие во временном плане. б) Затем для сравнения привлекаются данные современных говоров. Сначала во внимание берутся апеллативные материалы русских говоров Карелии и сопредельных с ней областей, являющиеся показателем регионального употребления слова в языке XV-XVII вв. Если такой апеллатив не отмечен в говорах Карелии, то именование сопоставляется с лексемами, известными другим современным говорам. в) Используются также данные, сохранившиеся в других славянских языках и диалектах. г) Включаются в сопоставление и апеллативы, отмеченные в современном русском литературном языке.

2) Другая часть антропонимов соотносится с апеллативами в переносном значении. Порядок сопоставления ИС с лексическими данными аналогичен представленному выше.

4. Учет данных исторического словообразования, которые также подтверждают возможность существования реконструированного слова в языке донационального периода. С этой целью устанавливаются древнерусские и старорусские слова, построенные по тем же словообразовательным моделям, что и реконструируемые слова.

Так, апеллатив старорусского языка *верещага восстанавливается на основе сопоставления зафиксированного в документах Карелии XV века прозвища Верещага (Оксенко Левонтьев Верещага, 1563 г., Писц. кн. Обон. п.) с однокоренной лексемой, отмеченной в памятниках письменности - верещати (с XV в.) 'пронзительно, визгливо кричать, плакать (СлРЯ XI-XV в., 2, 87) и диалектной лексемой верещáга 'чрезмерно говорливый человек, болтун, болтунья', известной современным олонецким говорам Карелии, рязанским говорам (СРНГ, 4, 144). Другим подтверждением возможности существования данного слова в

старорусском языке являются лексемы с формантом -ага, который использовался в тот период для образования названий лиц (НЛ) экспрессивного характера. Подтверждением служат прозвища отапеллятивного характера, зафиксированные в памятниках письменности до XVII века. Ср. в "Ономастиконе" С.Б.Веселовского: Гуляга, с.91; Дурняга Тимофей, с.104; Лютяга Иван, с.189; Сияяга, с.297; Смирняга, с.293; Ципляга Иван Нефедьев, с.346; Шевляга Федор Иванович, с.364. Однако приводимые значения реконструированных апеллативов в большинстве своем являются близкими, возможными, но не всегда тождественными современным говорам, поскольку реальный мотив именования скрыт от нас временем. Так, восстанавливая лексику *верещага, следует учесть, что мотив именования, связанный с ЛЗ 'болтливый человек', мог оказаться результатом переносного значения, так как олонечским говорам Карелии известно слово вереща́га 'птица, которая беспрестанно верещит' (Куликовский, 9; СРНГ, 4, 144). Отсюда предполагаем вероятный перенос значения на человека, то есть верещага - 'тот, кто верещит, как птица' -> 'крикун, болтун'.

Отметим, что подобные реконструкции носят прежде всего хронологический характер. ИС, зафиксированное в памятниках письменности, служит подтверждением бытования соответствующих антропонимов имен нарицательных в ЛСС прошлого.

Однако в ряде случаев помимо установления времени существования апеллатива необходимо обращение к более глубоким этимологическим разысканиям. Например, патроним Чехолдин (Федор Васильев сын Чехолдина, 1570г., Акты Солов.м.) восходит к прозвищу *Чехолда, для которого в современных говорах мы не находим соответствующего апеллатива. Предполагаем, что в основе данного имени лежит лексема *чехолда. Вероятно, однокоренными будут являться отмеченные в современных диалектах лексемы: халда́ 'дерзкий, бесстыдный человек'

вят., костр., ярос. (КСРГК), 'бесстыдный человек, наглец, бесстыдная, распущенная женщина' вят., ярос., смол. (Фасмер, 4, 217), 'бесстыдный человек', 'наглец', 'крикун, горлан' без указ. места (Даль, 4, 541), халдэй 'нахал' праж. Карелия (Карт. ПГУ), 'плут, проходимец' смол. (Фасмер, 4, 217), халдыга 'грубый, невежественный человек, наглец' пск. (Даль, 4, 541). Архаический префикс че-; выделяемый в морфемной структуре слова, стоит в одном ряду с этимологически родственными приставками ко-, ка-, ку-, ша-, ше-, ши-, шо-, шу-, ш-, ча-, че-, чи-, чо-, чу-, чо-, а также ска-, ско-, шко-, шка-, которые были характерны для праславянского языка, имели четко выраженный негативный оттенок, их объединяет идея отклонения от прямой линии, некоторой нечеткости, небрежности в проявлении признака, действия (см. Москов, Шарифуллин, Андреева-Васина и др.). Вероятно, подобные НЛ имели глагольную мотивацию, ср. образования с приставкой че- (чи-), зафиксированные у М. Фасмера: чехвал 'хвастун, зазнайка' (т. 4, 354), чихвальныйся 'хвастать' терск., нижегор. (с. 368), а также чемырнуть 'опрокинуть рюмку' перм. (с. 332), чехвостить, чихвостить 'хлестать', 'ругать' вят., 'обрезать бороду' черепов. (с. 354, 368) и т. д. Думается, что данные префиксы придавали названиям лиц значение интенсивного отклонения от "нормы" поведения. Следовательно, в ЛЗ апеллиатива *чехолда можно выделить компонент 'сильная степень проявления признака', то есть *чехолда - это 'в крайней степени бесстыдный человек, наглец, нахал', 'в крайней степени крикун, горлодер'.

Другим источником пополнения сведений о лексическом составе старорусского языка являются посессивные ойконимы с некалендарным именем в основе.

Посессивные ойконимы обычно имеют антропонимические соответствия, которые и используются затем для сопоставления с апеллиативами

В наших материалах зафиксированы географические названия с некалендарным именем в основе, которые не имеют ант-, элонимических соответствий. Именно они представляют особую ценность для реконструкции как антропонимов, так и аппеллятивов старорусского языка.

Известно, что посессивные ойконимы строились по определенной модели: топооснова (прозвище или патроним) + топоформант. Например, Клоч- + -ово → Клочово (ср.: Васик Иванов Клоч, 1563г., Писц.кн. Обон.п. и дер. На селище Шамардинская на Валгом озери, Клочово то ж, 1647г., Витов). При реконструкции антропонима XV-XVПвв. следует от названия населенного пункта отсечь топоформант. Например, патроним *Варлыгин и прозвище *Варлыга восстанавливаются на основе названия дер. Варлыгино (1568г., Писц.кн.Водск.п.), от которого последовательно отсекаем форманты -о, -ин. На следующем этапе устанавливаем, что прозвище *Варлыга восходит к аппеллятиву *варлыга, ср. варлыга 'ленивый человек, лентяй, лентяйка', сохранившийся в волог., вят., твер., барнаул. говорах (СРНГ,4,55).

В первой главе поднимаются также вопросы о степени надежности реконструкции лексики по данным антропонимии, о реконструкции значения - наименее разработанной и наиболее трудной области сравнительно-исторического языкознания; рассматривается история заселения Карелии.

Вторая глава посвящена реконструкции экспрессивов старорусского языка.

Значительное число антропонимов, зафиксированных в памятниках письменности Карелии XV-XVПвв., восходит к именам нарицательным со значением личностной характеристики. Исследователи называют их экспрессивами, ввиду того, что предметно-понятийная сторона ЛЗ данных слов дополнена коннотативной.

Осуществляя системный подход к анализу ЛЗ ономастической и

апеллятивной лексики, мы, вслед за И.А. Арнольд, И.А. Стерниным, В.Н. Телией, Н.А. Лукьяновой и другими лексикологами, для рассмотрения семантики реконструированных на основе ИС апеллятивов используем метод компонентного анализа. С точки зрения соотношения сем и ЛСВ разных слов выделяют архисемы, свойственные целым группам тематически связанных слов (ЛСГ, синонимических рядов и т.д.), и дифференциальные семы, передающие отличительные признаки предметов.

Именно архисемы служат объединяющим началом в системном членении лексических единиц. Так, имена нарицательные, реконструированные путем сопоставления старорусских антропонимов с омонимичными и однокоренными словами современных говоров, включаются по общности архисем в различные ЛСГ, которые на основании синонимических, антонимических, родовидовых, совидовых и прочих связей входят в тематические классы слов, а затем в более крупное объединение – семантическое множество 'название лица'. Внутри ЛСГ выделяются подгруппы, представляющие синонимические ряды (далее СР). Например, ЛСГ 'интеллектуальные способности человека' объединяет СР 'глупый человек' и 'умный человек', между которыми возникают антонимические отношения. Синонимические ряды, антонимически противопоставленные, составляют оппозиционное единство, связанное родовым понятием. Вероятно, в данную ЛСГ можно включить СР 'невежественный человек', который можно определить еще и как 'человек, знания которого (а следовательно, и интеллектуальные возможности) ограничены'. Между СР внутри ЛСГ в ряде случаев существуют сложные взаимоотношения, что является отражением сложной семантической структуры реконструированных слов, их диффузности.

Особенностью подобных реконструкций является то, что некоторые восстанавливаемые нами слова будут входить в несколько СР. Это объясняется многозначностью большинства соотносимых с ИС экспрес-

симвов и сложной семной структурой ЛСВ. Например, прозвище Бастрыга (Бастрыга Еремеев, 1563г., Писц.кн.Обон.п.) соотносится с диалектным многозначным апеллятивом бастры́га, характеризующим лицо по морально-этическим качествам: 1) 'бойкий человек', 'шалун' олон., новг., твер., влад., тамб.; 2) 'гордый, самолюбивый человек' влад.; 3) 'злая, ехидная женщина' влад.; 4) 'женщина, отличающаяся несолидностью или торопливостью в поступках и поведении' новг., влад.; 5) 'человек, любящий наряжаться франтом' волог. (СРНГ, 2, 137). Несмотря на то что предпочтение отдается первому значению, отметим, что потенциально любой ЛСВ этого слова в целом мог явиться мотивом именования. Поэтому реконструированное *бастрыга в соответствии с семами, выявленными в структуре ЛЗ диалектного слова бастры́га, будет входить в СР 'бойкий человек', 'злой человек', 'гордый, чванливый человек', 'торопливый человек'.

Вторая глава состоит из двух разделов. В одном рассматривается тематический класс 'названия лиц по внешним признакам', в другом - 'названия лиц по морально-этическим качествам'. По данным ономастики Карелии XV-XVII вв. реконструируется 312 НЛ по внешним признакам и 390 НЛ по морально-этическим качествам. Всего с учетом ЛСВ - 585 слов. Внутри каждого раздела выделяются параграфы: один из них посвящен непосредственно реконструкции семантики НЛ, в другом дается словообразовательный анализ восстановленных экспрессивов. Реконструкция слов в прямом и переносном значениях рассматривается отдельно. В ряде случаев наряду с метафорическим значением по материалам говоров восстанавливается и прямое. "Двойной" семантической реконструкции подвергаются преимущественно узорегиональные лексемы. Например, при реконструкции слова *рямза (*рямзя) (Мирон Рямзин, 1659г., Мюллер) современные говоры позволяют установить как прямое, так и переносное значения, ср. рямза 'морозящий

дождь' онеж. арх. (КСРГК) и 'неряха, оборванец' медвеж. Карелия, лодейноп. ленингр. (там же), ср. мо́крый как ря́мзя 'очень мокрый' медвеж. Карелия (там же).

Системный анализ реконструированных апеллативов дает возможность выделить среди названий лиц по внешним признакам 4 ЛСГ: 1) 'название лица по внешним, наследственным признакам' (включает 28 СР); 2) 'название лица по состоянию здоровья, физическим недостаткам' (20 СР); 3) 'название лица по внешности, связанное с воспитанием' (2 СР); 4) 'название лица по возрастным особенностям'. Среди названий лиц по морально-этическим качествам 5 ЛСГ: 1) 'название лица по интеллектуальным способностям' (3 СР); 2) 'название лица по его отношению к труду' (2 СР); 3) 'название лица по речевой деятельности'; 4) 'название лица по особенностям поведения, связанным с его эмоциональным состоянием' (3 СР); 5) 'название лица по его отношению к себе, окружающим, к моральным нормам' (28 СР). ЛСГ являются неодинаковыми по количеству СР, входящих в них.

СР также неодинаковы по объему. Так, СР 'глупый человек' насчитывает 25 реконструированных слов: *базика, *баклан, *балда, *булыга, *булыч, *квашня, *кокора, *обалда, *самодур, *телепень, *шабала и др.; СР 'назойливый человек' - 19: *ворошило, *гундор(а), *докука, *желвач, *желна, *каник, *луста, *пязга, *слота, *смола и др.; СР 'неаккуратный человек' - 26: *варакса, *варач, *варзака, *гомаза, *жиган, *корепан, *мазило, *мазура, *мурзан, *пуляко, *рудак, *урипа, *чупряк, *шарап. и др., в то же время в СР 'смелый человек' входит только 6 слов: *буян, *жигач, *жихорь, *начало, *угар, *хват; в СР 'аккуратный человек' - 2: *чистик, *чистоха.

ЛЗ реконструированных лексем указывает на существование в прошлом у русских определенных норм оценки внешности лица, качеств его характера. Одна из них связана со способностью человека к труду.

Лень, глупость, болтливость, медлительность, пьянство, упрямство, а также различные наследственные и приобретенные физические недостатки лица: полнота, худощавость, слабое физическое здоровье человека, возраст и пр., которые не давали человеку полноценно трудиться, были особенно заметны и находили отражение в языке. Так, в СР 'ленивый человек' входит 30 восстановленных лексем: *бенет; *ботало, *будан, *дюк(а), *кабан, *ленгач, *лодыга, *лох, *мерин, *охлябина, *шамша, *шатун, *шебуня и др.; в СР 'болтливый человек' - 27: *бакана, *балака, *бахорь, *бобоша, *бутора, *звяга, *керка, *лопотей, *лязга, *хлус, *шемела и др.; в СР 'толстый человек' - 37: *гладун, *гладыш, *дуль(я), *кережа, *кубас, *кубач, *лось, *мамон, *мянда, *обрюта, *олелюха, *толстик, *тукач и др.; в СР 'слабый, болезненный человек' - 14: *вялица, *зеленя, *капшак, *кочур(а), *лулак, *мендяк, *рохкач, *слабырь, *чалец и др.

Такие СР, как 'человек с толстыми губами': *брил(а), *грибан, *губа, *губарь; 'человек с большими зубами': *зубака, *зубатый, *зубарь; 'человек с кривыми ногами': *луконогий, *шарал; 'человек с большим лбом': *баран, *лобак, *лобач и др., дают представление об эстетических вкусах человека прошлого, повышенном внимании к привлекательности, опрятности, необычным размерам и форме определенных частей тела, лица. Следует отметить большое разнообразие, указывающих на внешние особенности именуемого и их небольшую наполняемость в пределах обследуемого региона.

Кроме того, реконструированные апеллятивы свидетельствуют о существовании в прошлом у русского народа определенного морального кодекса, который содержал оценку отношений между людьми. Выделение таких качеств, как лживость (*базло, *виранец, *врач, *жегло, *качало, *клепа, *колокол, *мухлак, *хлжст(а), *шипупя, *юла и др.), сварливость (*вязга, *галбач, *дериба, *деряга, *карза, *копос,

*севряк и др.), драчливость (*бузуй, *вьяша, *горза, *горзан, *зажого, *зворыга, *кокша, *талыза и др.), склонность к ссорам, скандалам (*булгак, *замятня, *рагоза, *собака, *харза и др.), жадность (*жигарь, *крень, *кулак, *мерин, *шкуль и др.) и прочих морально-этических качеств лица (всего 38 СР), указывает на стремление человека строить более гармоничную сферу общения.

Анализ материала с точки зрения оценочности показал, что слов, включающих в ЛЗ семы, отрицательно характеризующие лицо, больше, чем слов с положительной оценкой. По мнению лексикологов, это явление находит объяснение в особенностях народного характера (в особом складе "лукавого", по А.С.Пушкину, русского ума): все положительное считается нормой и не требует особых языковых средств для выражения, отклонения же от нормы обязательно находят отражение в языке.

Словообразовательный анализ указывает, что формирование экспрессивов происходило в основном с помощью суффиксального способа образования слов и способа семантической деривации.

Часть именовании восходит к субстантивированным прилагательным: *беззубой, *жареной, *жаркой, *зубатой, *луконогий, *трегубый и др.

Отметим, что продуктивным был семантический способ образования экспрессивов. Для части реконструированных слов свойственен перенос названий по смежности (в основном это НЛ по внешнему виду) - *брил(а), *горб, *губа, *кила, *кудрь, *нос, *хребет, *щека и др. Другая часть именовании восходит к переносным названиям лица метафорического характера. Наиболее активными были семантические модели 1) 'предмет' -> 'человек': *драница, *дубина, *квашня, *клоч, *клуб, *кондак, *костыга, *крик, *лапоть, *лоскут, *обух, *огарок, *ступа, *чурак, *шило и др. и 2) 'животное' -> 'человек': *бык, *воробей, *гага, *жеребец, *кобель, *кобыла, *конь, *крот, *лисица, *потка, *сорока, *тетеря и др.

Именования, восходящие к НЛ, образованным морфологическим способом, дают достаточный материал для дальнейших исследований в области исторического словообразования. Особо выделим значительную группу слов общего рода, известных народно-разговорной речи старорусского языка. Для рассмотренного класса экспрессивов характерно разнообразие суффиксов, которые устраняют шаблон при образовании производных слов, усиливают их экспрессию: нулевой суффикс - *брыка, *войка, *вяньга, *ерза, *заика, *заляка, *ощера, *рюма, *чеченя и др.; материально выраженные суффиксы - -ыга: *булыга, *зворыга, *костыга, *лодыга, *ярыга; -ака: *варзака, *зубака, *едака; -оха: *буроха, *худоха, *чистоха; -ица: *вялица, *каршица, *косица; -яна: *беляна, *мерзляна; -ыня: *бобыня, *космыня и др. НЛ мужского рода составляют также большую группу восстановленных существительных. Лексической базой для образования НЛ экспрессивного характера служат эмоционально окрашенные глаголы и имена.

Восстановленные на основе прозвищ нарицательные существительные с разной степенью активности соотносятся с апеллятивами разных по территориальной принадлежности современных говоров, что отражает прежде всего историю заселения края славянами.

Часть соответствий свидетельствует о древних связях с территориями древнего Новгорода и Пскова - *базпо, *бибик, *выдрок, *вьюша, *гомаза, *грех, *грибан, *гундал, *дубонос, *ектуха, *заляка, *карза, *каршица, *коптяя, *корепан, *кочур, *ленгач, *лобан, *полот, *лускал, *лязга, *ногатка, *северга, *слиза, *смола(ь), *сусло, *талыза, *улыба, *урюпа, *харза, *чеченя и др.

Большое количество реконструированных апеллятивов, совпадающих с лексикой северо-восточных диалектов - вологодских, вятских, архангельских, пермских, костромских, ярославских, - *базыка, *барда, *брил(а), *варач, *варзака, *вяньга, *докука, *дуль, *капшак,

*кастей, *качало, *клепик, *колюбака, *копос, *кокора, *крень, *ленгач, *лох, *луста, *мухлак, *нетес, *обрита, *олелюха, *опара, *остолоп, *охлябина, *потка, *рямза(я), *сакуля, *сорвань, *шабала, *шаньга, *шатун, *шипуля и др. - указывают также на новгородское влияние. Известно, что миграции за пределы Новгородской республики в разное время распространялись и на эти территории.

Часть восстановленных экспрессивов являются регионализмами, так как отмечены только в русских говорах Карелии и на сопредельных территориях, которые входили в прошлом в состав данного региона. Регионализмы отражают, с одной стороны, связи славян с прибалтофиннами - *бурундай, *гиргач, *кережа, *кубас, *кубач, *крокач, *лох, *мендяк, *мянда, *пакуля, *рохкач и др., с другой стороны, свидетельствуют о возникновении какой-то части экспрессивов в словарном составе самих формирующихся русских говоров Карелии XV-XVII вв. - *варакса, *виранец, *игрок, *кеж, *клюй 'горбатый человек', *рямз(э)я, *тереб, *тукач, *шабала, *шарап, *шуйга и др.

Соотношения с ростово-суздальскими говорами (которые также участвовали в становлении русских говоров на севере Руси) единичны - *космыня, *опара.

Отдельные соответствия с лексикой южновеликорусских говоров, а также с украинскими и белорусскими, вероятно, тоже можно принять за новгородское влияние, ср. "по характеру языкового развития говоры Новгородской земли были тесно связаны не только с близлежащими псковскими и смоленскими говорами, но и с говорами полоцкими, иногда и шире, с говорами турово-пинскими, а частично и киевскими или черниговскими" #.

Третья глава посвящена реконструкции НЛ по местности (или

#Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. /Под ред. В.Г. Орловой. М., 1970, с. 227.

катойконимов) и НЛ по профессии, не имеющих в сравнении с лексемами, рассмотренными в предыдущей главе, коннотативной окраски.

НЛ по местности и профессии довольно часто употреблялись в качестве именованья в ономастиконах того времени, так как еще на апеллативном уровне являлись средством индивидуализации лица. Такие нарицательные существительные были известны широкому кругу русских говоров до XVII века, поскольку отражали производственные процессы, свойственные ряду областей изучаемого периода, свидетельствовали о выделении лица по признаку места.

Всего по данным антропонимии Карелии реконструировано 31 катойконим и 24 НЛ по профессии, которые по преимуществу являлись узорегиональными, характерными для словарного состава русских говоров Карелии донационального периода.

Мотивировочной базой для образования катойконимов послужили названия различных объектов: поселений, погостов, волостей Обонежской и Водской пятин, Северного Поморья, Лопских погостов.

Реконструкция НЛ по местности дается с учетом формантов, с помощью которых образовались катойконимы, - это суф. -анин(-енин): *кижанин, *ровдуженин, *толвуянин, *шунжанин и др. (ср. Кижы, Ровдуга, Толвуя, Шуньга) и суф. -ец: *андомец, *водлозерец, *выгозерец, *паданец и др. (ср. Андома, Водлозеро, Выгозеро, Паданы). Отдельные катойконимы - результат метонимического образования - *ладва, *пельяка, *пияло, *шала.

В образовании региональных НЛ по профессии участвовали такие суффиксы, как -ач, ср. трубач 'работник на рассолодобывающей трубе'; -ук, ср. волшук 'колдун'; -ец, ср. виранец 'тот, кто занимался изготовлением сетей'; швец 'тот, кто занимался изготовлением лодок' и др.

В Заключении по реферируемой работе подведены итоги проведенного исследования.

На базе славянской антропонимии Карелии XV-XVПвв. реконструируются системно организованные названия лиц экспрессивного характера, а также узкорегиональные названия лиц по местности и профессии, почти полностью отсутствующие в памятниках письменности донационального периода.

Именования с экспрессивными нарицательными суффиксальными в основе дают возможность предположить, что в рассматриваемый период наряду с идентифицирующей функцией отдельные группы славянских антропонимов выполняли не столько охранную функцию, сколько характеризующую. Этот факт указывает на отход наших предков от мифологического мышления.

Особое влияние на становление этих групп лексики в ЛСС края в прошлом оказали новгородские и псковские диалекты.

Вероятно, не все представленные реконструкции в равной степени убедительны, однако возможность использования данных исторической ономастики для восстановления ЛСС очевидна. В этой связи весьма актуальным является создание региональных исторических ономастиконов, более широкое вовлечение антропонимов в исторические словари.

Исследования, подобные представленному, позволяют точнее вскрыть специфические и общие черты в развитии данных групп лексики на определенной территории, более детально изучить духовный мир наших предков. В этом плане ономастика Карелии XV-XVПвв. вносит значительный вклад в расширение наших познаний о материальной, духовной, исторической жизни в прошлом, межэтнических контактах, миграционных процессах.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Взаимодействие русских и прибалтийско-финских элементов в антропонимии Карелии XV-XVПвв. // Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнацио-

нальных отношений в СССР. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1989, 25-27.

2. Памятники письменности старорусского языка как источник изучения антропонимов. // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Тезисы докладов. II часть. Сыктывкар, 1990, 122-123.

3. Посессивные ойконимы как основа для изучения материальной культуры народа. // Вторая Всесоюзная научно-практическая конференция "Исторические названия - памятники культуры", 3-5 июня 1991г., Сборник материалов (в трех выпусках). Вып. 2. Москва, 1991, 93.

4. К истории антропонимии Карелии (на материале памятников письменности). // История русского слова: Проблемы номинации и семантики. Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1991, 81-87 (в соавторстве с Михайловой Л.П.).

5. Диалектная лексика и возможности разграничения прибалтийско-финских и славянских личных имен в антропонимии Карелии (XV - XVII вв.). // Русская диалектная этимология. Тезисы межвузовской научной конференции (10-12 октября 1991г.). Свердловск, 1991, 22.

Коршунова